

Мадлен — дочь богатого торговца тканями и прекрасная партия для сына состоятельных родителей Петера. Правда, девушка его совсем не любит... Возможно, причиной тому Лукас — молодой шалопай, готовый ради Мадлен на все. Злокозненная мать Петера сумела засадить Лукаса в тюрьму, и больше Мадлен о нем не слышала. Сердце девушки разрывается от тоски. Со временем Петер и Мадлен начинают готовиться к свадьбе. Внезапно в городке появляется Лукас в чине капитана... Неужели судьба так жестока к нему? Однажды он уже потерял возлюбленную и не допустит этого вновь!

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6062-7

9 786171 260627

Петра Шур

Пламя и шелк

Петра Шур
*Пламя
и шелк*

Тканя
и шёлк

Petra Schier
*Flammen
und Seide*

Rowohlt Taschenbuch Verlag

Петра Шур
*Пламя
и шелк*

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.112.2
Ш56

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Originally published under the title FLAMMEN UND SEIDE

Переведено по изданию:
Schier P. *Flammen und Seide* : Roman / Petra Schier. —
Reinbek bei Hamburg : Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2019. — 464 p.

Перевод с немецкого *Елены Сухомлиновой*

Дизайнер обложки *Алина Белякова*

ISBN 978-617-12-6062-7
ISBN 978-3-499-27355-1 (нем.)

- © Rowohlt Verlag GmbH, Reinbek bei Hamburg, 2018
- © DepositPhotos.com / 12762384 volokhatiuk, Maugli, FlexDreams, smmartynenko, обложка, 2019
- © Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2019

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИХ СЕМЬИ

ЛУКАС КУЧЕНХАЙМ, сын покойного райнбахского торговца кожаными изделиями Иоганна Кученхайма, капитан полка архиепископа Бернхарда фон Галлена

ХЕДВИГ КУЧЕНХАЙМ, мать Лукаса

МАДЛЕН ТЫНЕН, дочь райнбахского торговца тканями Герлаха Тынена

АННА-МАРИЯ ТЫНЕН, мать Мадлен

ГЕРЛАХ ТЫНЕН, отец Мадлен, торговец тканями, член городского совета

МАРИЯ ТЫНЕН, младшая сестра Мадлен

МАРИАННА/ЯННИ ТЫНЕН, самая младшая сестра Мадлен

МАТТИС ТЫНЕН, младший брат Мадлен

ПЕТЕР ФОН ВЕРДТ, полковник в армии Кельнского курфюрста, сын купца Эразма фон Вердта

ЭРАЗМ ФОН ВЕРДТ, отец Петера, купец, член городского совета

ГИСЛИНДЕ ФОН ВЕРДТ, мать Петера

ЛЮДВИГ ФОН ВЕРДТ, младший брат Петера

ДРУГИЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

АЛЬМА, горничная в семье фон Вердт

ПАСКАЛЬ Д'АРМОН, лейтенант при короле Людовике XIV

ГЕРМАН БЕККЕР, советник, нотариус и секретарь суда

БРИДЛИН, горничная в семье Тынен

КАРЕЛ, лакей в семье фон Вердт
 ФРИДРИХ АЙК, сержант, страж у ворот Фойхтстор
 ЭЛЬЗА, горничная в семье Вельде
 БАРБАРА ФАЛЬКЕНБАХ, дочь Маргарет и Кристофа Ляйнен,
 замужем за Вернером Фалькенбахом
 ВЕРНЕР ФАЛЬКЕНБАХ, крестьянин, привратник, старый друг
 Лукаса
 ГЕРИНК, бывший армейский слуга, сейчас работает на Лу-
 каса
 ГРЕГОР ХАФФЕМАЙСТЕР, торговец охотничьим снаряже-
 нием
 ГЕРТРУД ХАЛЬФМАНН, жена лесопромышленника
 ЙОНАТА, повариха в семье Тынен
 КАРЛ, городской страж порядка, полицейский
 ХЕННС КЛЕТЦГЕН, сапожник
 ВЕРОНИКА КЛЕТЦГЕН, дочь Хеннса
 КРИСТОФ ЛЯЙНЕН, зажиточный крестьянин
 МАРГАРЕТ ЛЯЙНЕН, жена Кристофа Ляйнена
 ЭМИЛИЯ ЛЯЙНЕН, дочь Маргарет и Кристофа
 ГЕОРГ ЛЯЙНЕН, сын Маргарет и Кристофа
 ЛОТТИ, горничная в семье Кученхайм
 РУДОЛЬФ ОФФЕРМАН, судебный заседатель
 ГЕРМАН ОВЕРКАМП, старший судебный заседатель
 ПИТЕР, работник в семье Хаффенмайстер
 ЛЮТТЕР РАЙТЦ, городской страж порядка, полицейский
 ТЁННЕС ШУБКНЕХТ, торговец тканями
 ТОНИ, приказчик и работник в семье Кученхайм
 ПАУЛЬ ВИККЕ, странствующий торговец
 ВИЛЬГЕЛЬМИ, приказчик в семье Тынен

РЕАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ

КРИСТОФ БЕРНХАРД ФОН ГАЛЛЕН, архиепископ-курфюрст
 Мюнстера

БАРОН ВИЛЬГЕЛЬМ ЯКОБ ШАЛЛЬ ФОН БЕЛЛЬ, управитель
Флерцхайма, одного из районов Райнбаха
(ГЕНРИХ) АВЕРДАНК, бургомистр города Райнбах (имя исторически не подтверждено)
ГЕНРИХ ДИФЕНТАЛЬ, судебный заседатель (документальное подтверждение от 1686 года)
ЭДМУНД ФРЕЛИХ, судебный заседатель (документальное подтверждение от 1689 года)
ГЕОРГ ХЕРТОГЕ, владелец замка Валькенбург, подполковник
инфантерии при Вильгельме III, принце Оранском
ГЕРБЕРТ ХОРСТ, судебный заседатель (документальное подтверждение от 1686 года)
КОНСТАНТИН ГЮЙГЕНС, секретарь Вильгельма III, принца
Оранского
ЙОХАНН МАТТИАС РАЙМБАХ, наместник
АНТОНИУС ХЕПП, советник
ВИЛЬГЕЛЬМ III, принц Оранский, правитель Голландии и Зеландии (провинции на юго-западе Голландии)
ЛЮДОВИК XIV, король Франции

ГЛАВА 1

Райнбах, 18 апреля 1668 года

— Прекрати! Нет! — Улыбаясь, Мадлен сделала шаг назад, когда Лукас дернул ее за один из длинных светло-каштановых локонов. — Дай пройти, мне надо отнести зелень в дом. Она нужна на кухне маме и Йонате.

Лукас занимал выигрышную позицию в арке ворот, увитой еще не проснувшейся после зимы розой, которая отделяла сад Тынена от дома и двора, и поэтому он просто оставался там, продолжая поддразнивать симпатичную девушку.

— Ты только что сказала, что я должен остановиться или что я не должен останавливаться?

Он широко улыбнулся и снова потянул ее за локон. Ему нравились блестящие мягкие кудри Мадлен, особенно когда они были слегка растрепаны весенним ветерком, как сейчас. Она не поднимала волосы вверх, что следовало бы делать.

При этом Лукас пытался игнорировать приятное покалывание в животе, неизменно возникавшее с появлением Мадлен. В конце концов, он был мужчиной двадцати четырех лет, а она — молодая неопытная девочка, которой едва исполнилось шестнадцать. Правда, она представляла совсем не тот тип женщин, который его обычно привлекал. И хотя Лукас знал Мадлен практически с рождения, он не смог удержаться, чтобы не подразнить застенчивую девушку. Он любил эти моменты, когда она забывала о своей сдержанности.

— Клянусь, ты только что сказала что-то о «не останавливаться».

— А вот и нет. Я сказала тебе остановиться.

Мадлен снова отступила, когда он шагнул к ней, притворяясь, что тянется к ее волосам обеими руками.

— Нет!

— Ну вот, снова оно — это крошечное словечко «нет». — Он торжествующе улыбнулся ей. — Поэтому я и делаю то, что ты от меня требуешь.

Понимая, что ведет себя неподобающе, Лукас тем не менее схватил ее ладошку и поднес к своим губам. Этот жест заставил ее глаза расшириться, а покалывание в его животе стало угрожающим. Поэтому он опомнился и молниеносно ущипнул ее другой рукой за бок.

— Эй! — Взвизгнув, Мадлен увернулась от него, уронив при этом корзинку с зеленью. — Да что же ты делаешь? — Она быстро наклонилась и собрала маленькие листочки и стебельки. — Мама отругает меня, если я по дороге в дом растопчу зелень. Её и без того совсем мало и она такая крошечная, ведь зима так долго упрячилась и не уходила.

Щеки девушки вспыхнули, и это было ей так к лицу.

— Извини, пожалуйста. — Решив не заходить дальше, Лукас все же продолжал удерживать ее ладони в своих. — Я просто хотел поздороваться и немного поговорить с тобой. Ты слышала последние новости?

Мадлен заметно расслабилась и улыбнулась, обнажив маленькие ямочки в уголках рта.

— Нет, но ты же мне наверняка расскажешь. Что ты снова наделал?

— Я? — Он был сама невинность. — С чего ты взяла, что я мог что-то натворить?

— Потому, что ты — это ты, и потому, что тебе нравится вести себя плохо.

Было видно, что оценивая Лукаса, она попала точно в цель. С привычной усмешкой тот пожал плечами.

— Виновен по всем пунктам обвинения. А ты уже видела сегодня каретный сарай Оффермана?

— Нет. — Она удивленно подняла брови. — А должна была? Почему?

— А потому, что оно того стоит — хоть раз увидеть плуг на крыше. Да еще если к нему куча свиного дерьма в придачу!

— О ужас! — Глаза Мадлен расширились. — Зачем ты сделал это?

— И откуда же ты знаешь, что это был я?

Она только бросила на Лукаса красноречивый взгляд, он же рассмеялся.

— Так Офферман же договорился, чтобы не меня, а его сына Ганса назначили следить за порядком в братстве холостяков. А меня они намерены определить стражем невыкупленных девушек.

— Ты хотел стать следящим за порядком в братстве холостяков? — Мадлен уставилась на него с удивлением, затем громко рассмеялась. — Бог ты мой, что за шуточки! Пусти козла в огород... Самого закоренелого холостяка с наихудшей репутацией во всем Райнбахе...

— Да ладно, не так все ужасно.

Его возражения не смутили ее.

— Ну конечно. Вот именно *ты* должен следить за соблюдением законов в братстве, за послушанием и порядком? Да это просто курам на смех.

— На самом деле не хотел я этой службы, — признался он. — Мой дядя Аверданк предложил меня на это место. Вероятно, он надеялся, что это положительно сказалось бы на моем характере. Вот только мне противно, что сам Офферман вмешался. Я тебя умоляю, Ганс — и следящий за порядком. Это еще смешнее, чем если бы я занял это место. Да его же настолько люди не уважают, что даже шляпу не снимают, здороваясь с ним. И как, я спрашиваю, он добьется того, чтобы все в братстве подчинялись его законам и вели себя добропорядочно и целомудренно? По всей видимости, Офферман сделал хорошенькое пожертвование братству на Майские праздники. Ты можешь, конечно же, представить

себе, как замечательно это было воспринято в братстве холостяков. Поэтому, естественно, и выборы прошли соответствующим образом¹.

— Ты хочешь сказать, что затащил старому Офферману плуг на крышу и еще украсил все это ведром дерьма? — переспросила Мадлен. — А ты не боишься, что они тебя за это накажут?

— Сначала они должны будут доказать, что это был я.

Мадлен слегка наклонила голову.

— Но ты же только что мне в этом признался. Если бы они меня спросили...

— Тогда ты меня не выдала бы, — подмигнул ей он.

— Ах нет? А почему нет?

— Потому что, — он чуть приблизился к ней, — мы хорошие друзья.

Она вновь зарделась.

— Хорошие друзья?

— А разве нет?

— Да, ага, конечно. — Она огляделась по сторонам, хотя в доме все было тихо. — Мне теперь действительно пора домой, пока мать за мной не вышла.

— Ты же взглянешь на сарай Оффермана?

Она замялась.

— Наверняка он уже давно стащил плуг.

— Я его к балкам между стропилами привязал. Так что ему придется чуток повозиться.

Смеясь, она покачала головой.

— Когда же ты наконец повзрослеешь? Неудивительно, что твой дядя пытается пристроить тебя на ответственную службу. Другие в твоем возрасте уже семьей и хозяйством обзавелись, а ты...

— Видя эту печальную перспективу, так себя и веду. Кто же меня выдержит?

¹ В конце книги вы найдете глоссарий обычаев в Райнбахе.

— Вот не веди себя так больше. В Райнбахе и окрестных селах есть много хорошеньких девушек. Тебе надо просто выбрать себе одну. — Она, смутившись, прикусила нижнюю губу: — Или же выкупи себе девушку на Майские праздники. Ведь праздник как раз в следующую субботу будет¹.

Лукас снова ухмыльнулся.

— А может, мне тебя выкупить в качестве майской девушки?

— Меня? — Мадлен резко подняла голову.

— Точно. Тебе уже шестнадцать и ты впервые будешь на празднике, разве не так?

— Да, уже буду. — Щеки Мадлен стали еще ярче. — Но почему ты хочешь выкупить *меня*?

— А почему нет? Мы только что выяснили, что мы хорошие друзья. Кроме того, ты умная и не такая легковерная, как большинство других девушек. С тобой мне не нужно будет постоянно думать, что ты неправильно поймешь сказанное мною. Ты знаешь меня. — Он снова дернул ее за локон. — И ты хорошенькая. Из нас получится очень даже замечательная майская парочка.

— Чепуха это, Лукас. — Совсем уж смутившись, Мадлен теребила ручку корзины. — Майскую девушку не покупают себе только из-за того, что хорошо смотрятся вместе с ней.

— Я этого не говорил, Мадлен.

— Или из-за того, что друзья. Люди подумают...

— Что? — Он смотрел ей в лицо, пока их взгляды не встретились. Ощущение покалывания усилилось во сто крат.

— И, кроме того, меня уже выбрали майской девушкой. — Было слышно, как она сглотнула. — Точнее, сейчас еще не

¹ Один из народных обычаев Германии — на народных гуляниях в мае, называемых Майскими празднествами или праздниками, чаще всего в Вальпургиеву ночь, т.е. в ночь с 30 апреля на 1 мая молодые неженатые парни местной общины могли участвовать в торгах по выкупу понравившейся девушки из этой же общины, после чего они считались парой при условии, что девушка не была против.

выбрали, но Петер сказал, что хочет меня выкупить впрок у предводителя братства холостяков, чтобы никто другой не мог претендовать на меня.

— Петер фон Вердт, конечно же. — Лукас продолжал улыбаться, хотя чувство разочарования охватило его сильнее, чем он ожидал. Вне всякого сомнения, Мадлен Тынен не хотела бы стать его майской избранницей. И не из-за разницы в возрасте — фон Вердт был еще на два года старше, — а из-за его дурной славы. Он никогда не придавал особого значения тому, что о нем думают в Райнбахе, и не стеснялся водиться с подозрительными типами. После смерти отца он попытался заниматься кое-какими полуплегальными сделками. Его отец, как и отец Мадлен, был купцом. Однако конкуренция в торговле кожаными изделиями оказалась настолько высокой, что о деле, которое Лукас в свои двадцать лет унаследовал, и говорить не стоило. Лукасу и его матери доходов не хватало даже на пропитание. Поэтому он постоянно искал другие возможности заработать, и если для этого нужно было надуть клиента, то так оно и случалось. Он не гордился этим, но и не делал ничего по-настоящему незаконного — или, по крайней мере, не попадался на этом. Периодически он снова пытался заниматься торговлей кожами, но это и в самом деле не было его призванием. В последнее время он все чаще задумывался о том, не пойти ли ему в армию. Может быть, в полк Кельнского курфюрста. Там в эти нелегкие времена было бы наверняка проще завоевать и почет, и славу, а при достойном жаловании не нужно было бы трястись над каждым крейцером¹.

Значит, это к лучшему, что Мадлен не проявляла к нему особого интереса. Он криво улыбнулся ей.

— Я так и думал, что этот фон Вердт уведет тебя у других холостяков. Получается, вы теперь как бы обручены.

¹ Крейцер — мелкая разменная монета в средневековой Германии.

И это открытие было ему намного более неприятно, чем он хотел бы себе в том признаться.

— Мы не обручены! — Мадлен решительно покачала головой. — Он просто хороший друг семьи и... — Она запнулась, потому что даже ей стало очевидно, насколько неубедительным был этот аргумент. Она же отказалась стать майской избранницей Лукаса, понимая, что никто не будет ее выбирать только для того, чтобы быть друзьями. — Ну да, может быть... А ты действительно думаешь, что у него такие серьезные намерения?

Лукас пожал плечами.

— Это меня бы не удивило. Вы двое — идеальная пара, и он отличная партия.

— Я знаю.

— Кто отличная партия?

Петер фон Вердт вынырнул позади Лукаса, словно учуял, что речь шла о нем. Он всегда обладал этим гадким талантом. Лукас медленно развернулся и изучал пришельца с нейтральной миной на лице — по крайней мере, он надеялся на то.

— Ты, ну кто ж еще? Или мне стоит порекомендовать Мадлен кого-либо другого?

Петер фон Вердт, высокий, черноволосый и награжденный Господом Богом прямо-таки до неприличия правильными чертами лица, улыбался, но в его глазах проскакивали искорки гнева.

— Успокойся, Кученхайм. Не то чтобы я боялся конкуренции, но без нее живется как-то спокойнее, не так ли? — Он повернулся к девушке. — Привет, Мадлен. Как дела? Ты, как всегда, услада для глаз. Это платье тебе очень идет.

— Спасибо большое. — Мадлен, польщенная словами Петера, опустила голову. — У меня все отлично. — Ее взгляд упал на кожаную папку в руках фон Вердта. — Ты идешь к моему отцу? Он там внутри, в своей конторе.

— Хорошо, я хочу занести ему копии документов последних двух заседаний совета. Ему уже лучше после той жуткой простуды?

— Да, к счастью, он наконец-то идет на поправку.

— Замечательно. — Фон Вердт снова повернулся к Лукасу: — Извини, ты тоже направлялся к Тынену? Я не хочу идти без очереди.

Лукас чуть не задохнулся от ярости. Если бы у него был хоть малейший повод посетить богатого торговца тканями и члена городского совета...

— Нет, фон Вердт, ступай уже. Я тут совершенно случайно проходил мимо и отвлек Мадлен от ее обязанностей своей болтовней.

— Ну-ну. — Фон Вердт развернулся, морща лоб. — Ладно, тогда я войду. — Но чуть задержался и тепло улыбнулся Мадлен. — Надеюсь, ты приготовила на Майские праздники свое лучшее платье? Я хотел бы, чтобы ты в этот вечер выглядела особенно прекрасной, чтобы я мог похвастаться тобой.

— О да, конечно, — смущенно кивнула Мадлен. — Я уже радуюсь этому. Все будет очень мило.

— И пьяно-весело, — сухо добавил Лукас. — Ты только приведи ее домой до полуночи, и держитесь подальше от пивного фонтана.

— Я вообще не пью пива!

Возмущение Мадлен рассмешило Лукаса.

— Пока нет. Но кто знает, что произойдет, если начнешь задира́ть нос.

— Я никогда не зазнаюсь, — продолжала возражать Мадлен.

Лукас озорно подмигнул ей.

— Поосторожнее с утверждениями, а то еще кто-то воспримет это как вызов.

— Прекрати городить чушь! — Мадлен шлепнула его по руке, когда он вновь попытался схватить ее за волосы.

— Как пожелаешь. — Лукас отступил, излучая веселье, в то время как лицо Петера потемнело от злости.

— Мне пора.

Фон Вердт кивнул.

— Ты же наверняка еще поищешь приключений на свою голову.

— А как же, обязательно. До скорого, Мадлен, и хорошо повеселиться на празднике. — Он подмигнул ей. — Даже если тебе и не придется волноваться из-за того, что тебя не выкупят, ведь твой фон Вердт уже сделал это впрок. Правда же, Петер?

— Естественно. Я только что занимался этим.

Кученхайм лишь ухмыльнулся в сторону фон Вердта.

— Надеюсь, ты хорошенько раскошелился.

Фон Вердт расправил плечи и вытянулся во весь свой немаленький рост, что, по его мнению, должно было внушить страх.

— Я заплатил достойную цену.

— Братство будет тебе благодарно.

— Разве в братстве не тебя назначили охранником невыкупленных девушек? — Фон Вердт насмешливо вздернул бровь. — В этом году у тебя будет почетное право заботиться о сиделицах на скамейках и подпирающих стены девицах.

— Я поблагодарил за доверие и отказался. — Лукас еще раз кивнул на прощание Мадлен и собрался уже идти, но остановился как вкопанный, увидев приближающихся к нему обоих городских стражей порядка в сопровождении его дяди, бургомистра Генриха Аверданка, и нескольких любопытных соседей и зевак.

— Мадлен? Мадлен! — Анна-Мария Тынен, мать Мадлен, появилась на пороге дома. — Где же ты пропала так надолго? Нам нужна зелень и... — Она замолчала, ошеломленная, увидев Лукаса. — А ты что тут делаешь? — И, не дожидаясь ответа, обратилась уже к фон Вердту: — И милый Петер тоже здесь! Что за сюрприз! Здравствуй. У тебя все хорошо? Ко-

нечно же да, ведь ты выглядишь, как всегда, молодцом. Ты к моему дорогому Тынену? Он сидит в своей конторе и корпит над корреспонденцией. Твой визит наверняка его порадует.

— Я на самом деле шел к нему, госпожа Тынен. У меня все отлично, спасибо, что спросили. Как и должно быть в присутствии этой чудной юной дамы и ее красавицы-матери.

Услышав столько лести, Лукас закатил глаза, но его внимание отвлекли приближающиеся городские стражи, да и его дядя, живо жестикулируя, говорил ему что-то.

— Ах, ты такой милашка! — Мать Мадлен польщенно засмеялась, оглаживая при этом свой округлившийся живот. — Вот только не надо так преувеличивать. Именно сейчас я совсем не красавица. Ребенка носить тяжелее день ото дня. Матушка Амалия, акушерка, говорит, что это верный знак, указывающий на рождение сына.

— Я полностью уверен, что Господь пошлет вам мальчика. — Петер фон Вердт сердечно улыбнулся ей и тут же обратил свое внимание на приближающихся мужчин.

— Вот он! — закричала пожилая женщина, идущая за стражами. — Вон там, у Тыненов во дворе! — Она показывала пальцем на Лукаса. — Хватайте злодея, пока не убежал!

Лукас нахмурился. Он явно не ожидал, что из-за какой-то глупой шутки поднимут такую шумиху.

Одолеваемый плохими предчувствиями, он подошел к мужчинам.

— Что-то не так, дядя Аверданк? Есть проблемы?

— Да, черт побери! — Генрих Аверданк утер лоб рукавом своей бургомистерской мантии. Было очень заметно, как тяжело ему поспевать за стражами порядка в силу своего возраста, а также из-за большого живота. — Что, черт тебя возьми, ты натворил в этот раз?

Лукас не успел ответить, как оба стражника подскочили к нему и схватили за руки.

— Лукас Кученхайм, вы арестованы. — Один из стражей, Луттер Райтц, отстегнул от своего пояса тяжелые железные наручники и попытался надеть их на Лукаса. — Вы обвиняетесь в том, что ложными обещаниями заманили Веронику, дочь сапожника Хеннса Клетцгена, на тайное свидание в лес и обесчестили девушку против ее воли.

— Что? — Лукас был настолько шокирован, что даже перестал сопротивляться.

— Клевета! — ругался в это время его дядя, жестикулируя еще отчаянней. — Это все голословная ложь, а где доказательства? Я требую...

— Закон предписывает нам арестовать Лукаса Кученхайма, чтобы судебные заседатели могли его допросить, — прервал бургомистра Райтц. — Его будут судить.

— Лукас? — Мадлен смотрела на него широко открытыми глазами. Девушку охватил ужас, и она даже не заметила, как назвала его при всех по имени, что, в общем-то, было не совсем прилично. Даже ее мать не обращалась к отцу по имени привселюдно.

Лукас тряс головой, не веря в происходящее, потом посмотрел на свои скованные кандалами руки.

— Это какая-то ошибка. Я ничего не делал с Вероникой Клетцген.

— Это выяснят судебные заседатели, — проговорил сквозь зубы стражник.

— Бросьте его в самую глубокую тюремную яму! — кричал кто-то из людской гурьбы. Люди не пошли за стражами во двор, а толпились на улице.

— Он должен ответить за свои преступления! — орал кто-то другой.

— Девушка опозорена навсегда! Он заслуживает смерти, негодяй. Повесить его!

— Тихо! — Громкий и неприятный хриплый голос Райтца подействовал на толпу. — Никто не будет повешен, пока не состоится суд.

— Так поставьте его наконец перед судом!

— Да замолчите же все! — Петер фон Вердт подошел к стражам и взбудораженному бургомистру. — Расскажите, что на самом деле произошло?

Райтц, хорошо знавший фон Вердта и его отца, уважаемого члена городского совета и друга наместника, с готовностью ответил:

— Отец Вероники Клетцген подал жалобу от ее имени после того, как дочь рассказала ему о чудовищном преступном деянии. Конечно, с тех пор уже прошло какое-то время, так как она по понятным причинам стыдилась рассказать кому-либо об этом. Однако сейчас она, видя гнев своего отца, готова свидетельствовать против Кученхайма.

— Я не трогал Веронику. — Лукас пытался говорить спокойно, хотя ужас ситуации сковывал его не меньше, чем гнев из-за жуткого обвинения. — Последний раз я видел ее где-то две недели тому назад, когда и в самом деле немного ее подразнил.

— Итак, вы признаете, что встречались с ней? — Страж строго смотрел на Лукаса.

— Не в том смысле, который вы пытаетесь придать событиям, и можете не сомневаться, я ее не насиловал.

— Она клянется, что вы это сделали. К тому же есть свидетели, поэтому вы будете доставлены в башню Баселлер Турм и заключены там до суда.

— Да посадите его наконец, обманщика!

— Он должен ответить!

— Он заслуживает высшей меры наказания!

Крики и призывы заведенной толпы звучали все громче, и стражи снова были вынуждены призвать всех к порядку.

— Здесь точно речь идет об ошибке. — Петер фон Вердт обеспокоенно смотрел то на Лукаса, то на толпу людей, а затем на Мадлен, которая совсем побледнела. Затем он взял ее за локоть. — Давай, Мадлен, идите с матерью в дом, это не для твоих ушей. Наверняка скоро все прояснится.

— Нет, пусти меня. — Она резко вырвала свою руку. — Это все большое недоразумение или?.. — Ее взгляд лихорадочно скользил между стражами, дядей Лукаса и людьми на улице. — Лукас бы никогда... Он плут, но до такого омерзительного ужаса он бы никогда не опустился. Это же не ты сделал? — Она чуть ли не взмолилась, глядя на Лукаса.

— Нет, конечно нет. — Лукаса прошиб пот. Взгляд всполошившейся Мадлен ранил его сердце не менее остро, чем осознание ужаса собственного положения. — Как я уже сказал, я не трогал Веронику. Никогда. Почему она утверждает обратное, для меня загадка.

— Пойдем, Мадлен. Петер прав, нам нужно идти в дом. — Анна-Мария Тынен, также побледневшая от ужаса, взяла дочь за руку и потащила к входной двери.

— Что у вас здесь происходит? — Герлах Тынен вышел из дома еще до того, как обе женщины подошли к входу. Взгляд стройного, худощавого мужчины, полный невероятного удивления, остановился на Лукасе и железных наручниках. — Это досрочная майская шутка?

— К сожалению, нет. — Страж нехотя отвернулся от возбужденной толпы на улице, но как только он сделал это, дикие крики зазвучали с новой силой. Люди подтягивались к воротам, и казалось, что в следующий момент все они ворвутся во двор.

— Извините за беспокойство, господин Тынен. Мы просто делаем свою работу. — Он кивнул второму стражу. — Карл, пройди вперед и освободи нам путь. Задержанного нужно доставить в тюремную башню невредимым.

— Его вообще не следует сажать в башню. — Дядя Лукаса в бешенстве сжал кулаки. — Не было еще смешнее обвинения! Лукас, может, и не самый большой паинька в пределах городских стен, но такое обвинение не что иное, как подлая клевета!

— Господин бургомистр, есть свидетели, — терпеливо объяснял Райтц. — В противном случае суд присяжных не дал бы разрешения на его арест.

— Кто же эти свидетели и что они, по их утверждению, видели? — Герлах Тынен прошел дальше во двор. Жена и дочь замерли за его спиной.

— Мы не имеем права обсуждать это на улице перед всеми.

— Стая клеветников — вот они кто! — ревел Аверданк, у которого явно сдавали нервы.

— Возьмите себя в руки. — Тынен окинул его своим неповторимым взглядом. — Если вы будете так горячиться, это ни к чему не приведет. — Он пристально и строго взглянул на Лукаса. — Так ты говоришь, что не позволил себе ничего предосудительного?

Лукас кивнул. Вот теперь у него на душе стало более чем тошно.

— Да, господин Тынен, я так сказал и настаиваю на этом.

— Лжец! Лжец проклятый! Я убью тебя своими руками! — Сгорбленный бородатый мужчина с жидкими черными волосами прорвался сквозь толпу к воротам и набросился бы на Лукаса, если бы Карл не оттащил его. — Отпусти! Он опозорил мою дочь. Я сверну тебе шею, ублюдок!

— Стоп, Хеннс Клетцген! — Райтц грубо толкнул разъяренного мужчину в грудь. — Вам здесь нечего горячиться. Дайте нам сделать нашу работу.

— Но это же он изнасиловал мою дочь! За это он должен жариться в аду, и я хочу лично его туда спровадить!

— Я могу понять ваш гнев, но не вы, а суд присяжных и наместник определяют наказание за этот проступок.

— Иди наконец в дом, Мадлен! — Лукас повернул голову, отреагировав на строгий голос Анны-Марии Тынен. Однако Мадлен не послушала ее, резко выдернула свою руку и подбежала к отцу.

— Пожалуйста, это же все неправда. Отец, вы должны что-то предпринять. Лукас Кученхайм никогда не смог бы поступить так ужасно.

— Ах нет? — Клетцген бросал на нее убийственные взгляды. — Может, он уже и вас одурачил и обесчестил, девушка? Как вы можете защищать такого, как он?

Мадлен побледнела еще больше, ошеломленно уставившись на мужчину.

— Лукас... — Она запнулась, но затем продолжила: — Лукас мой друг. — Ее голос дрогнул. — Хороший друг, насколько я могу судить. Я не верю, что он способен на что-то...

— Ах, вы не верите? — прервал ее Клетцген срывающимся голосом. — Тогда подождите, пока вы и весь мир услышите, что скажет моя дочь. Я хочу, чтобы Кученхайм заплатил за то, что он сделал по отношению к ней и всей нашей семье. Черт возьми, он должен заплатить, даже если мне придется повесить его собственными руками на ближайшем дереве.

— Мадлен, иди с матерью в дом. — Тынен положил руку на плечо дочери.

— Но, отец, кто-то же должен...

— Я пойду со стражами и бургомистром. — Тынен кивнул Аверданку. — Мы вместе выясним суть произошедшего.

— Ну, пойдем уже. — Мать снова подошла к Мадлен и настойчиво потащила ее за собой в дом. — Это не место для девушки с безупречной репутацией. Твой отец обо всем позаботится.

— Я не хочу, чтобы Лукаса посадили в тюрьму, — упрямо возражала Мадлен. — Он ничего плохого не делал, я знаю это.

— Хорошо, Мадлен. — Теперь уже и фон Вердту пришлось вмешаться, он приблизился к девушке и успокаивающе улыбнулся ей. — Я пойду с твоим отцом. Мы позаботимся о том, чтобы все выяснилось.

Мадлен помедлила, затем немного расслабилась.

— Точно? Обещаешь?

Фон Вердт кивнул ей утвердительно:

— Обещаю.

Лукас глубоко вдохнул, когда Мадлен наконец последовала за матерью в дом. В дверном проеме она резко обернулась, и их взгляды встретились. У парня неожиданно больно сжалось сердце. Однако у него не было времени раздумывать над тем, почему его так тронул испуганный и одновременно убежденный в его невиновности взгляд Мадлен.

— Вперед, шевелитесь! — Стражи встали впереди и позади Лукаса, а среди людей появились и другие служители суда, заставлявшие толпу держать дистанцию. Лукас шел вперед, грубо понукаемый стражами, и слушал, как за его спиной о чем-то возбужденно говорили его дядя, Герлах Тынен и Петер фон Вердт. Все происходящее казалось ему страшным сном. Но когда за ним громко захлопнулась дверь тюремной камеры и с металлическим скрежетом задвинулся засов, стало ясно, что ему еще не скоро удастся выбраться из этого кошмара.

ГЛАВА 2

Райнбах, 15 июля 1673 года
Пять лет спустя...

— Вы только попробуйте, отец, в этот раз Вильгельми привез нам отличное качество. — Улыбаясь, Мадлен положила на большой стол в конторе рулон ткани, окрашенной в нежно-зеленый цвет. — Этот шелк мы сможем перепродать по самой высокой цене, например, семье Шалль фон Белль или же Шайффартам из Моренхавена.

— Я почувал выгоду и немного наикнул, — от двери донесся скрипучий голос приказчика Вильгельми. Вошел невысокий коренастый мужчина, снимая на ходу коричневый берет, которым он прикрывал свою уже начавшую лысеть голову от палящего летнего солнца — Первоклассный итальянский шелк. В середине сентября кораблем по Рейну должны доставить еще один груз, из Базеля. А в начале октября ожидается английское сукно, которое поставляют в Кельн водным путем через Роттердам. Нам стоило бы успеть туда к прибытию корабля. Я уже дал о нас знать.

— Отлично. — Ее отец с удовлетворением поглаживал нежный шелк левой, покалеченной рукой. В то же время правой он держал перо, которым делал пометки в своей бухгалтерской книге. Он все пытался усесться на стуле как можно удобнее, заодно придвигая маленькую масляную лампу, освещавшую его рабочий стол.

— Что, отец? Снова бедро беспокоит? — В мгновение ока Мадлен уже была возле отца и поправляла подушку, которую тот пытался запихнуть себе за спину.

— Нет, все хорошо. Ты только убери рулон подальше, чтобы не испачкать его.

— Конечно, сейчас, отец. — Мадлен обратилась к помощнику: — Вильгельми, вы не отнесли бы в кладовую шелк и все, что там еще стоит у двери? И скажите Бридлин или Йонате, чтобы позвали работников. Кто-то же должен привести все в порядок.

— Я что, ваш мальчик на побегушках? — Черные маленькие глазки Вильгельми угрюмо сверлили Мадлен.

— Не мой, но моего отца, — спокойно ответила Мадлен. — Вы же видите, что он занят и ему нужна помощь. Поэтому делайте то, за что я вам плачу.

— Вы, девочка? Пока что мне платит ваш отец.

— Это так, но ведь именно из моих рук вы получаете деньги, и если хотите, чтобы и дальше все было так же, пошевеливайте своей задницей в сторону двери и делайте то, о чем я вас вежливо попросила.

— Несносные бабы, — недовольно бурчал себе под нос Вильгельми. — Когда они начинают командовать и думать, что на них штаны надеты, ничегошеньки хорошего ждать не приходится.

— Да делай уже то, что велит моя дочь. — Ее отец печально вздохнул. — Что же вы постоянно склочничаете...

— Я не виновата, отец.

— Виновата-виновата, — продолжал бурчать Вильгельми. — И вы тоже, господин Тынен, потому что не просто позволяете ей все, но еще и поощряете ее в этом упрямстве.

— Я не упрямая. — Мадлен сердито скрестила руки перед грудью.

— Просто Мадлен делает то, что должно быть сделано. — Ее отец снова заерзал на стуле. — А кто в противном случае будет это делать? Я калека, и мне остается только радоваться, что хотя бы у одной из моих дочерей ясная голова и она унаследовала мою купеческую жилку. Моей жене хватает хлопот с двумя другими девочками и маленьким Маттисом,

и она не имеет ни малейшего представления о коммерции. Скажи мне, кому тогда, если не Мадлен, подменять меня при необходимости?

Вильгельми с оскорбленным выражением лица тоже скрестил руки.

— В любом случае, не бабе, это против природы. Я бы на вашем месте хотя бы выдал замуж обеих младших дочерей. Тогда у вас было бы два зятя, готовых помогать.

Выражение тихого недовольства смешалось с глубоким вздохом отца.

— Мария еще слишком молода и неопытна для замужества. Вильгельми фыркнул.

— Девушке семнадцать, самое время для вступления в брак. Если вы и дальше будете тянуть, она станет такой же сумасбродной, как Мадлен, и начнет себе воображать, что имеет право командовать мужчинами.

— Это мое дело, Вильгельми. — Ее отец порывисто махнул ему.

— Да я со всем справлюсь. Но мне не нравится, как вы ведете свои дела. — Вильгельми развернулся с угрюмым видом и покинул контору.

Мадлен сжала губы.

— Но я же действительно попросила его любезно и вежливо.

Отец иронично усмехнулся.

— Ну да, любезно и вежливо.

— Разве не так? — Она наморщила лоб.

— Картина богата оттенками, милое мое дитя!

— Так, может быть, мне нужно было встать перед ним на колени и выпрашивать милостыню? — Она сама услышала, как в ее голосе проскочили бунтарские нотки.

— Нет. Просто принимай его таким, какой он есть. Ты его не изменишь. По его мнению, женщине место не в конторе, а за плитой.

— Или у детской люльки.

— Или это, да. — Ее отец тихонько вздохнул, в третий раз попытавшись найти более удобное положение. — Помогите мне встать. Я боюсь, что если сейчас немного не пройду, то потом вообще не смогу поднять свой зад.

— Конечно, отец, вот, обопритесь на мою руку.

Мадлен молниеносно бросилась за костылями отца и помогла ему подняться. После того, как почти четыре года назад, когда почтовая карета, в которой ехал отец, попала в ужасную переделку и он сломал левую ногу и левую же кисть, он мог передвигаться только на костылях, да и то с большим трудом. Приглашенный тогда из Бонна хирург отрезал ему ногу чуть ниже колена, а на кисть наложил шину. После этого три из пяти пальцев срослись вместе и оставались неподвижными.

Тем не менее он постепенно восстанавливал силы и сейчас чувствовал себя довольно хорошо. Первые два года после несчастного случая он был настолько слаб, что Мадлен приходилось практически самостоятельно вести все дела в конторе. Девушку поддерживали разве что Вильгельми и некоторые верные друзья. Среди них были и фон Вердты, несколько поколений которых не только занимались торговлей, но и вели банковские дела и продавали поручительства другим купцам. Ей довелось учиться на ходу, чтобы доказать, что торговое дело ее отца осталось таким же, каким оно было всегда: успешным и уважаемым.

— Хотите сделать пару шагов на улицу? — предложила она. — Постепенно эта дикая жара идет на спад.

— Да, я думаю, это хорошая идея. Дай мне костыли.

— Проводить вас?

— Только до двери.

— Как хотите, отец. — Со смешанным чувством облегчения оттого, что ее отец наконец-то снова был в состоянии хоть как-то передвигаться, и беспокойства вследствие того, что он все чаще становился замкнутым и задумчивым, она стояла у двери и смотрела ему вслед, наблюдая, как он медленно,

но целеустремленно двигался на своих костылях вперед. Отец остановился возле соседей и тепло поприветствовал хозяйку дома, Грету Хамахер.

Удостоверившись, что отец сможет и дальше передвигаться без посторонней помощи, Мадлен вернулась в контору и села за стол, чтобы закончить с записями в бухгалтерской книге. Затем она взяла в руки стопку деловых писем, уже тщательно рассортированных отцом по степени их срочности. Она с головой ушла в чтение и составление ответов и только уголком сознания отметила, как ее мать вместе с младшими сестрами Марией и Марианной, которую все звали просто Янни, вернулись из похода за покупками. Ее шестилетний брат Маттис озорничал и хохотал, как обычно. Наверняка он снова получил от кого-нибудь на рынке новую игрушку, которую обязательно захочет тут же показать поварихе Йонате и служанке Бридлин.

Эти звуки она проигнорировала так же, как и шелест юбок, когда обе ее сестры проскользнули мимо открытой двери конторы, чтобы отнести свою добычу, как они любили называть покупки, наверх, в свою спальню. Это наверняка были заколки и гребни, которых и так уже накопилось предостаточно что у семнадцатилетней Марии, что у двенадцатилетней Янни, но им все казалось мало.

Мадлен небрежно заправила выбившуюся прядь волос за ухо и прищурила глаза, задумавшись над особенно хитроумной формулировкой. Составление деловых писем было для нее искусством, овладению которым Мадлен отдавала немало сил. Проблемой для нее были не сами по себе буквы или слова, нет. Сложности провоцировали фразы и обороты с неким подтекстом, которые иные деловые партнеры отца использовали как оружие на войне. Разумеется, велась эта война большей частью на бумаге, но когда дело доходило до переговоров, предложений и цен за лучшие ткани, тогда купец в своих хитроумных стратегиях и расчетах превращался в настоящего фельдмаршала личной битвы.

Спустя какое-то время в доме снова стало тихо, но Мадлен и этого почти не заметила. Дело шло к вечеру и, скорее всего, ее сестры помогали Йонате на кухне, а мама занималась с Маттисом чтением или арифметикой. Хотя в Райнбахе и была народная школа, в которую Маттиса собирались отправить только с осени, отец хотел, чтобы мальчик получил первые важные базовые знания еще до школы. Такое же образование получили и все три его дочери, из которых только Марианне предстояло провести за партой еще два года.

Никто не ждал от школы глубокого всестороннего образования, хотя оба тамошних учителя и прилагали немало усилий, чтобы вбить те немногие знания, которыми они сами обладали, в головы своих учеников. Этот процесс не всегда был приятным, потому что один из учителей, старый Теодор Коррес, упорствовал во мнении, что ребенок может прилежно учиться только с помощью розог. Мадлен слишком хорошо запомнила те мерзкие маленькие прутья, с которыми ей, как и другим одноклассникам, регулярно приходилось встречаться, причем не важно — заслуженно или нет.

Отец Мадлен был намного образованнее большинства жителей Райнбаха. А все благодаря своему отцу, который когда-то отправил его учиться в Кельнскую гимназию. После этого Герлах Тынен много лет путешествовал по разным странам и учился мастерству торговли тканями у своих иностранных партнеров. Он говорил на многих языках и учил этому дочерей, пусть и с переменным успехом. Мадлен занималась языками с усердием и практически свободно общалась на английском и голландском. Французский же нравился ей не так, хотя этот язык приобретал все большее значение. Земли у Рейна были захвачены французами, поэтому их язык стали использовать даже в официальных учреждениях.

Мария, хотя и любила французский, была слишком ленивой, чтобы овладеть им в совершенстве. Возможно, это было связано и с тем, что отец старался в первую очередь обучить дочь деловому языку, тогда как Марию больше

привлекали цветистые формулировки, которые использовали в своих речах дамы и кавалеры при дворе.

Янни начала изучать языки совсем недавно, и пока было еще не совсем понятно, есть ли у нее талант к этому или нет.

К счастью, следующее письмо, которое Мадлен взяла из стопки первоочередных, было на родном языке. Оно пришло от Германа Леера, торгового партнера из Амстердама, который когда-то был гражданином Райнбаха, но потом ему пришлось бежать отсюда из-за ложного обвинения в колдовстве. Мадлен нравились письма пожилого мужчины, который очень дипломатично и в то же время весьма настойчиво излагал суть своих пожеланий, при этом еще и успевал поделиться интересными новостями со всего мира. Обвинение против него — оно казалось нелепым даже Мадлен — так и не сняли, поэтому Леер давным-давно не приезжал на родину, даже спустя десятилетия после того страшного в своей мерзости времени охоты на ведьм. Только его дети изредка заскакивали в город проведать родственников и знакомых.

Когда Мадлен пробежала глазами первые строчки, легкая улыбка коснулась ее губ. В этот раз старый купец обращался напрямую к ней, называя ее по имени. Было очевидно, что мимо него не прошел незамеченным тот факт, что деловую переписку от имени отца Мадлен теперь взяла на себя.

— У меня есть повод для ревности, потому что у тебя такое выражение лица, как будто ты читаешь любовное письмо?

Игривый мужской голос заставил Мадлен сначала резко вздрогнуть, а затем порывисто поднять голову.

— Петер!

Она мгновенно положила письмо на стол, встала и подошла к статному красивому мужчине, чье появление взволновало ее.

— Вот это сюрприз! Откуда ты так внезапно? Я думала, ты еще минимум две-три недели будешь в дороге. — Она остановилась прямо перед ним и подняла в ожидании голову.

Петер слегка склонился над ней, мгновение поколебался, окинув быстрым взглядом все вокруг, и в следующий момент нежно коснулся коротким поцелуем уголка ее губ.

— Мне удалось справиться с обязанностями быстрее, чем я думал, и поэтому мне разрешили раньше уволиться со службы и вернуться домой.

Мадлен улыбалась уже во весь рот, она с искренней радостью схватила Петера за руку.

— Это значит, что тебе не придется больше уезжать?

— Именно так. — Он сильно сжал ее пальцы своими. — Понятно, что кое-какие вопросы еще нужно утрясти, но, как только обзаведусь собственным домом и обустроюсь в нем, я войду в бизнес моего отца. Кроме того, мне предложили почетную должность писаря при управителе Шалле фон Белле, которую я, разумеется, с радостью принял. — Он остановился, бросил еще один взгляд за спину, не наблюдает ли кто за ними, и нежно привлек Мадлен к себе, пока их тела почти не коснулись друг друга. — И, если ты мне позволишь, я наконец-то официально попрошу у твоего отца твоей руки. Но сначала, понятное дело, согласно старым традициям и нашему положению, я буду за тобой ухаживать.

Мадлен ухмыльнулась.

— Ты и правда считаешь, что в этом есть необходимость? Ведь отец уже давно обещал тебе меня...

— Конечно, так принято. — Петер рассмеялся. — Я так страшно долго заставил тебя дожидаться меня, что теперь в качестве компенсации и искупления имею право хоть какое-то время поносить тебя на руках. Или тебе этого не хочется?

— Чтобы меня носили на руках? — Представив это, Мадлен тоже расхохоталась. — Ну, не знаю. Голова может закружиться. Но тебе действительно не нужно водить вокруг меня хороводы. Ты же знаешь, что я согласна быть твоей.

Глаза Петера засияли.

— Даже если и знаю это, я хотел бы, чтобы ты была полностью уверена в моей симпатии и любви. Я хочу сообщить

всему миру и показать всем людям, что отныне мы принадлежим друг другу.

— И немножко похвастаться тоже, разумеется, — добавила она насмешливо.

— Еще бы. Как-никак я беру в невесты самую красивую и очаровательную девушку во всем Райнбахе и окрестностях.

— И у нее, кроме всего прочего, еще и приличное приданое.

— Оно меня не интересует, Мадлен, ты должна бы это знать.

— Но и не помешает, или... Так же незначительно, как и соединение с нашей семьей.

Лицо Петера посерьезнело, однако не утратило своего преисполненного любви выражения.

— В тебе всегда была заметна эта исключительно практичная и благоразумная жилка.

— И что, это плохо?

— Нет, ни в коем случае! — Он снова наклонился к ней и поцеловал ее, теперь прямо в губы.

Хотя обычно она была более сдержанной, сейчас Мадлен ответила на его поцелуй. Она так радовалась, что Петер вернулся с военной службы целым и невредимым! Почти десять лет назад он поступил на службу в Куркельнский полк, и уже пять лет она ждала, когда он закончит свою карьеру и вернется в Райнбах, чтобы жениться на ней.

Она знала его чуть ли не с самого своего рождения, и почти все это время в их семьях сначала мечтали о грядущем брачном союзе Петера и Мадлен, а затем и начали исподволь готовиться к нему. Петер фон Вердт оставался дружелюбным, любящим и надежным человеком, рядом с которым, Мадлен была в этом полностью уверена, ее жизнь протекала бы спокойно и счастливо. Он ей нравился. Даже очень нравился. Раньше он был для нее больше как старший брат, и она так и не смогла окончательно избавиться именно от такого чувства, такого отношения к нему. Но в свои почти двадцать два года девушка была достаточно умной для того, чтобы понимать, что его любовь к ней имела иную природу и что

Петра Шир, 1978 года рождения, живет со своим мужем и собакой в небольшой общине в горах Айфель. Изучала историю и литературу, с 2003 года — автор-фрилансер. Ее исторические романы, в том числе и серия об аптекаре Аделине, соединяют в себе захватывающий вымысел с тщательно проверенными фактами. Петра Шир является членом правления ассоциации авторов DELIA.

Літературно-художнє видання

ШИР Петра
Полум'я і шовк

Роман
(російською мовою)

Головний редактор *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *В. М. Андрієвський*
Художній редактор *А. В. Белякова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. Ю. Єрдякова*

Підписано до друку 08.08.2019.
Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturnaya». Ум. друк. арк. 21,84.
Наклад 4000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

ШИР Петра
Пламя и шелк

Роман

Главный редактор *В. А. Тютюник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *В. М. Андриевский*
Художественный редактор *А. В. Белякова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Л. Ю. Ердякова*

Подписано в печать 08.08.2019.
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturnaya». Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 4000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24. E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Мадлен — дочка богатого торговца тканями и чудова партія для сина заможних батьків Петера. Щоправда, дівчина його зовсім не кохає... Можливо, причиною прислужився Лукас — молодий шибайголова, ладний заради Мадлен на все. Підступна мати Петера зуміла засадити Лукаса до в'язниці, і більше Мадлен про нього не чула. Серце дівчини розривається від туги. Згодом Петер і Мадлен починають готуватися до весілля. Раптово в містечку з'являється Лукас у чині капітана... Невже доля така жорстока до нього? Одного разу він уже втратив кохану, і не допустить цього знову!

Шир П.

Ш56 Пламя и шелк : роман / Петра Шир ; пер. с нем. Е. Сухо-
млиновой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного До-
суга», 2019. — 416 с.

ISBN 978-617-12-6062-7

ISBN 978-3-499-27355-1 (нем.)

Мадлен — дочь богатого торговца тканями и прекрасная партия для сына состоятельных родителей Петера. Правда, девушка его совсем не любит... Возможно, причиной тому Лукас — молодой шалопай, готовый ради Мадлен на все. Злокозненная мать Петера сумела засадить Лукаса в тюрьму, и больше Мадлен о нем не слышала. Сердце девушки разрывается от тоски. Со временем Петер и Мадлен начинают готовиться к свадьбе. Внезапно в городке появляется Лукас в чине капитана... Неужели судьба так жестока к нему? Однажды он уже потерял возлюбленную, и не допустит этого вновь!

УДК 821.112.2